

Культура. - 2003 - 4-10 дек - 9

“Сумасшедшая жизнь” Филипа Гласса

В Москве выступил знаменитый американский ансамбль

Сегодня модно говорить о том, что музыка начала XXI века перестала быть музыкой персоналий – новых ярких личностей якобы нет, их рождению не способствует время глобализации. А те фигуры, что еще освещают музыкальный небосклон, принадлежат к 60 – 70-м годам прошлого века. Можно с этим спорить, но

факт остается фактом: одним из “столпов” сегодняшней мировой музыкальной культуры считается американский шестидесятник Филип Гласс. Ученик Нади Буланже, композитор, чье творчество принято относить к стилистике минимализма, один из великого ряда, начинающегося с Джона Кейджа и продолжаю-

щегося такими именами, как Стив Райх и Терри Райли.

В Москву музыкант и его “Philip Glass Ensemble” приехали впервые, представив московской публике один из самых удачных своих проектов – фильм режиссера Юдфри Реджио “Kooyaanisqatsi”. Картина, чье название с языка индейцев племени хопли переводится как “сумасшедшая жизнь”, “жизнь в беспорядке”, создавалась в период с 1975 по 1982 год и сразу же после премьеры в 1983 году стала одним из самых авангардных арт-фильмов второй половины века. Две составляющие: видеоряд из коллажа огромного количества отснятых кадров и музыка, по словам автора, ни в коей мере не являющаяся иллюстрацией, – вот что такое “Kooyaanisqatsi”.

Особенность показа заключалась в том, что саундтрек исполнялся живыми музыкантами, сидящими непосредственно на сцене. Для Большого зала Московского международного дома музыки подобный перформанс был явно в диковинку, потому слушатели готовились к чему-то совершенно фантастическому.

Идея фильма оказалась ясной и недвусмысленной: природные пейзажи сменяются людьми и приметами цивилизации – самолетами, машинами, конвейерами, нелепыми зданиями и т.д. Ясно, что имеет в виду режиссер. При всей новаторской значимости, некогда сделавшей ленту знаменитой, полуторачасовое мелькание самых разных предметов на экране порядком утомляло. Блоки, сменявшие один другой, создавали динамику, отнюдь не настраивавшую на позитивный лад. Апофеозом негатива и агрессии, исходившей с экрана, стали бестолково снующие туда-сюда толпы людей на улицах, вокзалах, в универсамах и прочих публичных местах. Впрочем, все именно так и задумывалось, с тем

чтобы неприятие шло на уровне подсознания и усиленной работы сердечной мышцы, чтобы изнутри клеточек до мозга дошло – вот как беспорядочно мы живем! Лишь в самом конце некий предмет, напоминающий осколок космического корабля, безмятежно кружится в воздухе, возвращая мысль к первоначальной, природной гармонии и основную музыкальную тему, основанную на нисходящей линии баса и повторения на одной ноте слова “коянискаси”.

Все же Филип Гласс оказался менее прямолинейным, чем Реджио, – музыкальное сопровождение видеоряда при большой доле иллюстративности претендовало на оригинальный статус и, возможно, даже выиграло бы, если бы фильм и вовсе не показывали. Тот же блочный тип композиции, но с тонко проработанной музыкальной драматургией, характерной для произведений минималистов (длительное развертывание и обыгрывание одной гармонии, одной мелодической интонации, одного ритмического рисунка), по сути, скреплял разрозненные картинки, подкрепляя их воздействием на умы магией ритмической пульсации.

“Philip Glass Ensemble” не раз исполнял звуковую дорожку фильма в концертах, это чувствовалось и в московском выступлении: девять музыкантов под руководством дирижера Майкла Рейсмана свободно и естественно создавали синхрон, точно соблюдая придуманное композитором и режиссером единство зримого и слышимого. Именно музыканты вносили в “сумасшедшую жизнь” толику академичности, оправдывая непомерно высокие цены на билеты и раздутую рекламу не слишком интересного кино.

Ф. Гласс

Елена ЧИШКОВСКАЯ
Фото ИТАР-ТАСС